

© 2019 г. А. В. Еремин

г. Ярославль, Россия

ПРАВОСЛАВНЫЕ ДОМИНАНТЫ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВВ.: ОПЫТ ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Статья подготовлена при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках государственного задания на НИР (№ 33.7591.2017/8.9)

Аннотация: Статья посвящена исследованию трансформаций русской культуры в контексте актуализации православных доминант в период развивающейся глобализационной парадигмы современного мира на рубеже XX–XXI вв. В методологическом плане, опираясь на идеи теоретиков меж- и трансдисциплинарности в науке — В. А. Бажанова, В. Г. Буданова, Л. П. Киященко, А. П. Огурцова, В. Н. Поруса, Р. В. Шольца и др., — автор предлагает воспринимать культуру как целостную систему бытия, составными частями которой являются архетипы, знаки и имиджи (образы). В такой системе различные гуманитарные науки не просто дополняют друг друга, а составляют единый комплекс средств и методов для решения научных проблем, которые не под силу какой-либо одной научной дисциплине. Основное внимание автор уделяет императивам русской культуры, укорененным в православном мировоззрении. Их актуализация произошла на рубеже XX–XXI вв. в процессе формирования основ коллективной идентичности. В контексте государственно-церковного взаимодействия анализируются конфессиональные основания властных проявлений, как индикатор цивилизационной специфики России. В результате исследования делается вывод о том, что православные доминанты являются архетипичными основаниями русской культуры, которые находят свое выражение в соответствующих знаках и образах, как на институциональном, так и на персональном уровнях бытия.

Ключевые слова: государство, Церковь, культура, парадигма, взаимодействие, архетип, трансдисциплинарность, образ, цивилизация.

Информация об авторе: Александр Владимирович Еремин — доктор культурологии, кандидат исторических наук, доцент, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, Россия, ул. Республиканская, д. 108/1, 150000 г. Ярославль, Россия. E-mail: a.eremin@yvspu.org

Дата поступления статьи: 18.02.2019

Дата публикации: 28.12.2019

Для цитирования: Еремин А. В. Православные доминанты русской культуры в эпоху глобализации на рубеже XX–XXI вв.: опыт трансдисциплинарных исследований // Вестник славянских культур. 2019. Т. 54. С. 101–113.

Рубеж XX–XXI вв. — время стремительного развития глобализационной парадигмы. В процессе стирания территориальных, экономических и политических границ происходит и активное культурное взаимодействие, которое затрагивает сферу смыслов и ценностей существования людей той или иной социокультурной среды. Культурная среда, как локальная система, действующая по определенным правилам, подвергается трансформации, которая может вызывать как тенденции симбиоза с другими культурами, так и процесс отторжения. Как отмечал С. Хантингтон [22, с. 336], глобализация вызывает столкновение цивилизаций, которые мобилизуются на основе коллективной идентичности с целью защиты своих ценностно-смысловых оснований. В этом плане большой интерес представляет русская культура, и в особенности важнейший ее пласт — православные детерминанты. Уточним, что под православными детерминантами понимается влияние религии как системы ценностных ориентаций, составляющих важнейший пласт архетипичных оснований ментальности общества (наряду с природно-климатическими факторами [11; 12]), в институциональном ее проявлении — влияние Церкви на государство и общество.

Определение специфики влияния религиозных/православных доминант, как архетипичных оснований ментальности, на российское государство и общество рубежа XX–XXI вв. в контексте историко-культурного исследования представляется, на наш взгляд, научно актуальной задачей.

Развитие государственно-церковных взаимоотношений в России, своеобразный ренессанс Русской православной церкви в постсоветский период, актуализация православных доминант российского общества становятся важными научными аспектами для понимания специфики трансформации русской культуры и требуют междисциплинарных историко-культурных исследований.

Выявление особенностей, свойственных обществу на протяжении длительного исторического периода, анализ взаимосвязи культурных императивов с образами и знаками современности требуют от ученого не только соединения прошлого и настоящего в отдельно взятом исследовании, но и синтеза нескольких гуманитарных наук (истории, культурологии, философии и др.). Поэтому мы полагаем, что для изучения процесса трансформации русской культуры в контексте влияния религиозных факторов как на институциональном, так и на персональном уровне бытия представляет интерес трансдисциплинарная методология.

Обоснованию данной методологии посвящены работы известных отечественных исследователей В. А. Бажанова, В. Г. Буданова, Л. П. Киященко, А. П. Огурцова, В. Н. Поруса, Р. В. Шольца и др. Отметим коллективную монографию данных авторов, в которой на основании различных философских контекстов исследуется специфика данной методологии: «Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы» [24]. Заметим, что трансдисциплинарность — новый этап развития междисциплинарности. Данная методология позволяет осуществить глубокий синтез научного знания, в котором исследователь является универсалом, синтезирующим не только различные научные методы, но и соединяющим различные методологические подходы для изучения человека и общества. Ученый в такой научной парадигме руководствуется прежде всего целью своего исследования, которая задает логику его научных изысканий, на метапредметном уровне без условных границ научных дисциплин. Особенно это важно для гуманитарной науки. Определяя актуальную для его времени проблему, ученый «соединяется» с предметом исследования.

По меткому замечанию Р. Козеллека, набор научных методов определяется поставленной задачей: «Все начинается с постановки вопроса, и никакого догматически установленного метода не существует, метод определяется в зависимости от постановки вопроса» [22, с. 336]. Исследователь тесно связан с процессами, происходящими в культуре, и его изыскания опосредованы данным влиянием. Он пытается понять дискурс того или иного процесса, он не оторван от него, а становится его частью. Таким образом, ученый связывает исторический опыт и горизонты будущего. С точки зрения Р. Козеллека, история становится «легитимирующим» понятием современности, так как человек идентифицирует себя не в определенной временной точке, а в определенной культуре [29, с. 354].

По мнению Л. П. Репиной, «формирование в обществе новых ценностных ориентиров не только отражается на исходных предпосылках ученого и постановке им научных проблем, но и во многом определяет результаты его познавательной и творческой деятельности» [19, с. 5].

В историко-культурных исследованиях такая методология позволяет соединять прошлое и настоящее, не разрывая его, определить особенности единого универсума — культурного опыта, который существует вне времени и независимо от конкретного человека. Культура при таком подходе — система, которая существует на основе постоянно действующих детерминант, определяющих бытие и его трансформацию. Мы полагаем, что для понимания такого сложного явления, как культура, многогранного, целостного и системного, необходима соответствующая методология, которая обеспечит понимание системности, синергетичности того или иного общества.

Мы полагаем, что уровнями культуры, как постоянно развивающейся системы, являются три составляющих — архетип, знак, имидж (образ). Архетипы, по мнению К. Юнга [28], — постоянно действующие императивы, существующие в коллективном бессознательном. Они определяют особенности повседневных практик на уровне представлений, понимания и специфики поведения человека, базовых традиций восприятия повседневности. Знаки — это своеобразный код взаимодействия — язык, понятия, архитектура, символика, быт и др. Знаки — это важнейший эмпирический материал, который позволяет проанализировать специфику того или иного актуального общественного явления и приблизиться к пониманию архетипических детерминант.

Важнейшее место в социокультурном пространстве занимают имиджи — образы, которые моделируются в зависимости от исторической ситуации и выражаются в догмах, идеологии, осознании какой-либо общественной или персональной миссии. Образы — это осознаваемая цель существования, это вектор персональных или коллективных траекторий. Отметим, что данная система (архетипы, знаки, имиджи) постоянно развивается, каждый уровень оказывает влияние друг на друга. Новые образы могут трансформировать архетипы, менять знаковую систему. Архетипичные детерминанты влияют на формирование новых образов или ревитализацию старых.

Повторимся, культура — это своеобразный универсум бытия, который находится в динамике. Механизмами культуры как своеобразной матрицы бытия является цивилизация. Цивилизация в данном контексте понимается как локальная общность людей, проживающих на определенной территории, обладающих общей историей, самосознанием, культурным единством, спецификой во всех сферах жизни общества. Именно такое понимание мы встречаем у представителей цивилизационного подхода: А. Тойнби [23], Н. Я. Данилевского [6], О. Шпенглера [27] и др.

Поскольку православная Церковь в России длительное время являлась доминирующим религиозным институтом, а большинство населения Руси/России, а затем СССР и новой России идентифицировали себя с православием, то и анализ прежде всего необходимо направить в сторону выявления особенностей влияния православия на социокультурные практики и на сферу государственно-церковного взаимодействия. Отметим, что рубеж XX–XXI столетий ознаменовался формированием нового российского общества, которое находилось в поисках своей коллективной идентичности, вследствие чего происходила ревитализация традиционных основ социума, которые обеспечивали связь современных процессов с прошлым. Актуализация архетипичных оснований культуры выдвинула на первый план Русскую православную церковь как традиционный институт, который во многом обеспечивал связь преемственности поколений и осознание уникальности русского исторического пути в условиях вызовов глобализации. В этой связи большую роль Церковь оказывала не только на социокультурную ситуацию, но и на процесс государственного строительства новой России, укрепляя конфессиональные (религиозные) императивы в политической сфере. Этот важный аспект требует детального изучения.

А. Тойнби, О. Шпенглер замечали, что одной из важнейших основ цивилизации является религия. Цивилизация — как система материального и духовного существования той или иной общности, как механизм культурного развития обладает своими качественными характеристиками, которые представлены системой многочисленных культурных императивов, актуализирующихся вместе с усилением коллективной идентичности. Обращает на себя внимание тот факт, что с 1988 г. мы можем наблюдать своеобразный ренессанс Русской православной церкви в России. После распада СССР Церковь занимает место одного из главных социальных институтов страны, поддержкой которого пытается заручиться государство. С 1991 г. происходит процесс формирования так называемой кооперационной модели взаимодействия государства и Церкви [9], которая предполагала формирование такой правовой системы, которая давала бы преимущества традиционным конфессиям, и прежде всего РПЦ. Государственная власть позиционировала себя в постсоветский период преимущественно как православная, оперируя сакральными механизмами для укрепления своего положения.

По разным оценкам процент россиян, идентифицирующих себя с православием, в постсоветской России имел динамику к увеличению. В публичных источниках по итогам различных социологических исследований можно обнаружить цифру до 85%. На основании данных ИС РАН за 10 лет с 1999 по 2009 гг. количество православных верующих увеличилось на 18% с 54% до 72% [17], в 2012 г. их насчитывалось уже 79% [3]. По данным аналитического центра Ю. Левады, в 1991 г. 31 % россиян считали себя православными, в 2007 г. — 57%, в 2011 — 70%, в 2012 — 74% [4]. По данным ВЦИОМ, в 1997 г. 48% россиян идентифицировали себя с православием, в 1999 г. — 82% [7; 13]. Динамика увеличения количества людей, позитивно относящихся к православию и доверяющих ему, также развивается в положительную сторону [21]. По разным оценкам в постсоветский период их количество постоянно увеличивалось, и в начале XXI в. превысило 90% [18, с. 122; 25, с. 21].

Применительно к постсоветскому периоду мы наблюдаем ситуацию, когда в качестве духовного лидера выступает патриарх РПЦ. Он выполняет роль консолидатора как Церкви, так и общества, актуализируя процесс коллективной идентичности общества, тем самым способствуя усилению цивилизационных императивов. Нужно

отметить, что деятельность патриархов играет важную роль в социокультурном поле общества, поэтому они находятся в центре общественных процессов, влияя на вектор их развития. Показательно, что в постсоветской России чаще всего «Человеком года» становились именно патриархи: Алексей II — 1994–1997 гг., 1999–2008 гг. Патриарх Кирилл — 2009–2011 гг., 2013–2018 гг. [15]. Их деятельность активно обсуждалась, подвергалась неоднозначным оценкам. Это говорит о том, что присутствие предстоятелей РПЦ в социокультурном поле было очень велико.

Особую значимость патриархов в социуме можно подчеркнуть, основываясь на сведениях об опросах, проведенных социологическим центром «Левада». В 2013 г. рейтинг патриарха Кирилла (69%) был выше рейтинга Президента РФ (65%). Только 5% опрошенных высказали недоверие патриарху Кириллу [14].

Несмотря на принцип свободы совести и юридическое равенство всех конфессий, в России преобладают (в том числе в действиях представителей власти) православные знаки, символы, образы как составляющие цивилизационной специфики. Усиление православного дискурса культуры, поддержка церковных инициатив и конкретные действия руководства страны в поддержку важных для церкви процессов (например, координирующая роль власти в процессе объединения РПЦ с РПЦЗ) привели к тому, что Церковь заняла место духовной власти, которая ставит своей задачей наполнение социокультурной и социально-политической жизни определенными смыслами. Церковь на рубеже XX–XXI вв. активно конструирует социокультурную реальность.

XXI в. нам демонстрирует развитие нового проекта «русского мира», который активно реализуется при поддержке Президента и Патриарха. «Русский мир» как духовное основание коллективной идентичности, основанной на духовно-нравственных, традиционных христианских ценностях. Цивилизационный дискурс становится мейнстримом XXI в.

В первый год своего патриаршества Кирилл сформулировал важную задачу социокультурной деятельности РПЦ — развивать цивилизационный проект, суть которого — единство Святой Руси и осознание своей уникальности. При выстраивании диалога с Европой необходимо вести его как с равным партнером, предлагая свое видение и курс дальнейшего развития [2]. Способствуя усилению цивилизационной идентичности, патриарх Кирилл предложил ввести в употребление новый термин «страна русского мира». К такой стране, по мнению патриарха, могла бы относиться себя любая страна, в которой сильна русская культура, сильны основы русского языка, есть общая историческая память. Это культурное пространство должно осознавать свою общую цивилизационную принадлежность, а «русский мир» следует рассматривать как общий национальный проект [20].

Из многочисленных выступлений В. В. Путина отметим выступление на заседании Валдайского клуба 19 сентября 2013 г., на котором было актуализировано общественное движение в сторону принятия корректных шагов к официальному закреплению осознаваемых социумом паттернов, требующих дальнейшего укрепления: «<...> стремление к самостоятельности, к духовному, идеологическому <...> суверенитету — неотъемлемая часть нашего национального характера. Православие — это национальная идея России, ее особый цивилизационный код, сущность ее духовного суверенитета. Православие — это основа русской идентичности. Россия не состоялась бы как тысячелетняя цивилизация без Крещения святым князем Владимиром русского народа 1025 лет назад» [5].

В начале XXI в. мы можем наблюдать актуализацию цивилизационного механизма, основанного на конфессиональных детерминантах — сакрализация власти, знаковой системой которой становится ритуализация социально-политических практик.

В историко-культурном развитии России религиозные ритуалы и сакрализация власти занимали важнейшее место, ибо религия составляла основу мировоззрения, пропитывала все уровни общественного и персонального сознания. Не одно государственное мероприятие не проходило без определенного религиозного ритуала. Степень социальной солидарности (Э. Дюркгейм [8]) определялась степенью религиозности общества [10]. Взаимосвязь актуальных процессов с христианством и библейской историей длительное время были основой существования. Вспомним крестоцеловальную запись (клятва монарха пред Богом и людьми — рубеж XVI–XVII вв.), акты коронации (помазание на царство) имевшие религиозные основы. Символика русского/российского государства полностью основана на христианских/православных императивах. Герб России имеет прямую связь с Византией. Двуглавый орел указывает нам на единство Востока и Запада, в гербе просматривается державность государства, христианские/православные императивы, монархические основы власти. Мы наблюдаем имперское прошлое и мессианские направления. Георгий Победоносец как победитель змея, символизируется с противостоянием силам зла. Россия — бастион против сил зла, наследница великой империи, Третий Рим. Герб России устремляет нас не только в будущее, но и в прошлое. Мы наблюдаем символы, указывающие на большую роль традиций, великую историю.

Из многочисленных религиозно-политических ритуалов вспомним «хождение на ослати», который утвердился в повседневных практиках в XVI в. Глава Церкви (Митрополит, затем Патриарх), сидя на коне, въезжал Кремль в вербное воскресенье, символизируя въезд Господень в Иерусалим. Царь вел коня под уздцы, тем самым подчеркивалось значение Церкви в обществе. Отметим, что в данном обряде можно фиксировать цивилизационную парадигму «русской симфонии», суть которой заключалась в том, что власть светская подчеркивала значимость власти духовной. Обряд символизировал особую роль светской власти и ее миссию. Церковь и государство, как тело и душа, неразрывно связаны друг с другом, но одновременно являются двумя разными с онтологической точки зрения институтами. Духовная власть формирует образы существования. Церковь формирует смыслы бытия. Примечательно, что такая парадигма полностью нашла отражение и в современности — в «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви», принятой Архиерейским Собором 2000 г. [16]. В данном документе Церковь признает «Византийскую симфонию» идеальной моделью взаимоотношения с государством. Данная модель в Византии являлась лишь идеей, которая была сформулирована императором Юстинианом в VI в. н. э. Суть ее в том, что государство и Церковь являются разными по природе институтами, при этом сосуществуют как тело и душа неразрывно. Отметим, что идея осталась нереализованной в Византии из-за сильных традиций цезаропапизма (превалирования светской власти на церковной, как результат — отождествление двух институтов), в русском же культурно-историческом опыте она стала одной из оснований не только государственно-церковных отношений, но и общественного сознания.

Термин «симфония» используется нами в контексте его употребления в официальных и неофициальных текстах. Когда мы говорим о «симфонии», мы имеем в виду то объяснение данного термина, которое есть в «Основах социальной концепции

РПЦ», — сотрудничество государства и Церкви на благо духовного возрастания общества, как «сосуществуют тело и душа» и учитываем необходимость внимания к данному исторически сложившемуся понятию. Слово используется для обозначения парадигмы взаимодействия государства и Церкви. Подчеркнем, что мы ведем речь именно о парадигме. И главное в этой парадигме — тот смысл, который вкладывается в него самой Церковью — сотрудничество при условии независимости. Важно отметить, что «русская симфония» — это парадигма (общие позиции), а не механизм, к которому, полагаем, сводить парадигму нельзя. На практике парадигма может включать многообразные варианты взаимодействия, которые могут развиваться в том числе и в кризисной, проблемной или, более того, в конфликтной форме. В истории Руси/России существовали не единичные случаи, когда случались конфликты между светской властью и церковной (Андрей Боголюбский, Иван Грозный). Данные события, как и большая роль светских правителей, которые даже влияли на назначение предстоятелей Церкви (патриархов), не опровергают существовавшую парадигму взаимодействия: государство не поглощало Церковь, светская власть нуждалась в легитимизации, которая ей давала институционально независимая Церковь, так как государство было православным, а власть имела сакральные черты. Парадигма цезаропапизма, которая существовала в Византии, или католический папацентризм, теократия не характерны для Руси/России до XVIII в. Парадигма «русской симфонии» соединила в себе как византийские представления — формы, так и русскую цивилизационную специфику.

Русская православная церковь в историко-культурном опыте России занимала долгое время независимое положение, несмотря на попытки светской власти влиять на назначение предстоятелей Церкви. В определенные этапы Церковь даже доминировала во взаимодействии с государством (XVII в.). Синодальный период был скорее попыткой власти привнести чуждые для цивилизационной специфики России парадигмы (цезаропапизм), что в конечном итоге вызвало тенденции к возрождению традиционной формы взаимодействия государства и Церкви в начале XX в. (процесс восстановления патриаршества, подготовка к Поместному собору). Независимая от государства Церковь в начале XX в. могла обеспечить необходимую сакрализацию власти, ее легитимизацию, чего нельзя сказать о модели полного слияния, когда Церковь отождествлялась с государством. В советский период мы можем констатировать полную зависимость Церкви от государства (актуализация парадигмы цезаропапизма).

В постсоветский России Русская православная церковь заняла место духовной власти и закрепляла за собой миссию формирования образов, смыслов, через знаковую систему и ревитализацию архетипичных доминант, как следствие — определяла специфику культурного пространства. Конкретизируем далее данный тезис.

В постсоветской России мы можем наблюдать процесс сакрализации власти, в том числе через систему ритуальных практик. Об этом свидетельствуют многочисленные акции: посещения первыми лицами государства и чиновниками всех уровней церковных служб, участие в крестных ходах, церковных праздниках. Президенты России позиционировали себя православными людьми, участвуя в церковных обрядах. Участие президентов России в религиозных акциях активно транслировали СМИ (например, купание В. В. Путина в проруби на крещение). Отметим, что в XXI в. посещение духовных (нестоличных) центров президентом стало свидетельством единения президента с православным миром.

Дружеские отношения первых лиц государства с патриархами стали необходимым элементом публичной политики. Отметим, на наш взгляд, важное событие —

24 апреля 2007 г. впервые в постсоветской истории публичные похороны и панихида первого Президента России прошли по православным канонам.

Без присутствия и благословения патриархов не обходились и инаугурации президентов. Так было в 1991, 1996, 2000, 2004, 2008 и 2012 г. Примечательно, что после инаугурации президентов XXI в. в домовом храме русских князей и царей — Благовещенском соборе — совершались молебны по поводу вступления в должность глав государства. Необходимым ритуалом всегда было дарение предстоятелем Церкви иконы главам светской власти, так происходило и в постсоветской России. 7 мая 2018 г. В. В. Путину была подарена из патриаршей ризницы икона Спасителя (XVIII в.).

Молебны, крестные ходы стали обязательным атрибутом многих знаковых для государства событий: олимпиада в Сочи (благословение спортсменов перед соревнованиями), события на Украине (молебен и призыв Патриарха к коллективной молитве) и др.

Сакрализация власти как традиционный для русской цивилизации паттерн находит себя и в постсоветскую эпоху. Отметим, что этому не препятствовал даже выбранный в 90-х гг. XX в. курс на демократизацию и либерализацию в духе западных ценностей. Вспомним показанный по центральным каналам фильм «Царь Борис».

В XXI в. с политикой государства по укреплению патриотизма, с усилением коллективной идентичности появился запрос на сильную, авторитетную власть. Сакрализация власти получила новые импульсы с апеллированием к традициям, русским паттернам, цивилизационным основаниям. В условиях обострения отношений с западным миром и США мы наблюдаем стремление проводить Россией независимую внешнюю политику (как следствие санкции в отношении России после воссоединения с Крымом и начала военного конфликта на востоке Украины), что вызывает ревитализацию мессианских оснований русской культуры. Политика государства приобретает сакральные смысл, так как запускаются механизмы «вызова-ответа» (А. Тойнби). Ревитализируются представления о том, что Россия является бастионом перед силами зла, в качестве которого выступает глобализм во главе с США. Цивилизационная специфика здесь проявляется в актуализации идеи «Москва-Третий Рим», которая начала разрабатываться после падения Константинополя в 1553 г. и была концептуализирована на рубеже XV–XVI вв. Напомним, что данная идея не была инициирована государством, а возникла в лоне Церкви, обеспечив сакральность российской власти.

Отметим, что представления о Святой Руси, связанные с традицией исихазма, стали частью парадигмы определявшей политику власти в истории России. Сакрализация власти через механизмы ритуализации была характерным явлением и советского периода. Мы видим этот императив в основании культа личности XX в., который стал воплощением монархических паттернов. Советские правители, начиная с В. И. Ленина, активно усиливали мессианскую парадигму, представления о «Третьем Риме», трансформировав православные императивы в коммунистические, которые по своей сути являлись квазирелигиозными.

Стремление власти подчеркнуть большую роль в деле сохранения православия находит проявление в многочисленных действиях первых лиц государства. Знаковым событием стало посещение В. В. Путина Иерусалима в 2005 г. Президент поклонился Гробу Господню, посетил храм Воскресения Господня, оставил запись в книге почетных гостей для «хранителей веры православной». В данном событии четко видятся сакральные представления о России как о новом Иерусалиме — святой Руси, что было

свойственно для культурного опыта России и часто подчеркивалось в различных ритуалах (в том числе «хождение на ослиати»).

Нельзя пройти мимо важнейшего события — объединение РПЦ и РПЦЗ в 2007 г. В этом процессе важнейшую роль сыграл Президент. Он взял на себя функцию посредника во время переговоров и фактически определил положительный исход процесса, что в свою очередь укрепило механизмы сакрализации власти [1].

Влияние религиозных детерминант на сферу политической деятельности и государственно-церковные отношения становится в XXI в. очевидным. Однако этим уровнем бытия оно не ограничивается. Культура как целостная система захватывает сферу общественного сознания, влияя на каждого человека.

Подводя итог, отметим, что анализ одного из важнейших, на наш взгляд, аспектов — взаимодействия Церкви и государства — продемонстрировал актуализацию архетипичных детерминант, которые находят основание, в том числе, и в религиозных парадигмах. Ревитализация традиционных представлений оказывает влияние на положение Русской православной церкви, а также усиливает сакрализацию власти через механизмы ритуальных практик, образующих знаковую систему свойственную для русской цивилизации. Подчеркнем, в XXI в. актуализация цивилизационных паттернов, характерных для культурного опыта России, происходит во многом вследствие усиления актуальной для современности глобализационной парадигмы, что в свою очередь провоцирует развитие коллективной идентичности. Изучение данного вопроса в контексте трансдисциплинарной методологии представляет интерес для гуманитарной науки, так как влияние религиозных детерминант, составляющих архетипические основания культуры, может быть экстраполировано на различные уровни общественного бытия — от институционального до персонального, что открывает для исследователей неограниченные горизонты для научных открытий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акт о каноническом общении // Официальный сайт Московского патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/155920.html> (дата обращения: 10.01.2018).
2. В «прямом эфире» украинского телеканала «Интер» состоялась беседа со Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Кириллом // Otechestvo.org.ua. URL: <http://otechestvo.org.ua/main /20097/2926.htm> (дата обращения: 26.12.2017).
3. Вера и надежды. Социологи выяснили, каким богам россияне молятся и во что по-настоящему верят // Российская газета. 15 января 2013. URL: <http://rg.ru/2013/01/15/sociologia.html> (дата обращения: 17.01.2019).
4. В России 74% православных и 7 % мусульман // Levada.ru. URL: [HTTP:// www.Levada.ru/2012/12/17/MV-ROSSII-74-PRAVOSLAVNYH-I-7-MUSULMAN/](http://www.Levada.ru/2012/12/17/MV-ROSSII-74-PRAVOSLAVNYH-I-7-MUSULMAN/) (дата обращения: 17.01.2019).
5. Выступление Владимира Путина на заседании клуба «Валдай» // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2013/09/19/stenogramma-site.html> (дата обращения: 17.01.2019).
6. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991. 576 с.
7. Дубин Б. Религия, церковь, общественное мнение // Свободная мысль. 1997. № 11. С. 95.
8. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни. Тотемистическая система в Австралии // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. М.: Антология, 1998. С. 174–230.

- 9 *Еремин А. В.* Периодизация современной истории государственно-церковных отношений: исторический дискурс // Ярославский педагогический вестник. 2013. № 2. Т. 1. С. 48–51.
- 10 *Еремин А. В.* Трансформация религиозных ценностей в секулярном мире // Ярославский педагогический вестник. 2012. № 1. Т. 1. С. 312–314.
- 11 *Ключевский В. О.* Курс русской истории. М.: Историческая литература, 2002. Т. 1. 298 с.
- 12 *Кондаков И. В.* Русская культура: Краткий очерк истории и теории. М.: Университет, 1998. 360 с.
- 13 *Кузьмина О. Е.* Конфессиональная структура населения России // Российская цивилизация: Этнокультурные и духовные аспекты: Энциклопедический словарь. М.: Республика, 2001. С. 119–120.
- 14 Левада: Наибольшим одобрением в России пользуется патриарх Кирилл // Saratovnews.ru. URL: <http://www.saratovnews.ru/politika/levada—naibolshim-odobreniem—v-rossii-polzyetsya-patriarh-kirill/> (дата обращения: 14.02.2018).
- 15 Международная премия «Человек года» // ЦЭРС. URL: <http://profiok.com/projects/yearman/#2014> (дата обращения: 15.02.2018).
- 16 Основы социальной концепции Русской православной церкви. М.: Изд-во Московской Патриархии, 2008. 174 с.
- 17 Рабочая группа Института социологии РАН. Российская повседневность в условиях кризиса. Аналитический доклад // Полис. Политические исследования. 2009. № 5. С. 84–98.
- 18 Религия в массовом сознании россиян // Современная Европа. 2001. № 4. С. 122–124.
- 19 *Ретина Л. П.* Новые исследовательские стратегии в российской и мировой историографии. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. 32 с.
- 20 Святейший Патриарх Кирилл предложил ввести в оборот термин «страна русского мира» // Otechestvo.org.ua. URL: <http://otechestvo.org.ua/main/200911/0337.htm> (дата обращения: 26.12.2018).
- 21 *Синелина Ю. Ю.* Динамика религиозности Россиян (1989–2012) // Religious. life. URL: <https://religious.life/2014/09/sinolina-dinamika-religioznosti-rossiyan-1989-2012/> (дата обращения: 26.12.2018).
- 22 *Соколов А. Б.* Интервью с Рейнхардом Козеллеком // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. 2005. № 15. С. 326–340.
- 23 *Тойнби А. Дж.* Постигжение истории. М.: Айрис-Пресс, 2008. 521 с.
- 24 Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы / под ред. В. А. Бажанова, Р. В. Шольца. М.: Навигатор, 2015. 564 с.
- 25 *Фурман Д., Каарийнен К.* Религиозная стабилизация // Свободная мысль. 2001. № 7. С. 21. С. 18–32.
- 26 *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. 603 с.
- 27 *Шпенглер О.* Закат Европы. М.: Наука, 1993–1998. Т. 1. 1993. 672 с. Т. 2. 1998. 608 с.
- 28 *Юнг К. Г.* Архетип и символ // Психика: структура и динамика. М.: Ренессанс, 1991. 304 с.
- 29 *Koselleck R.* Vergangene Zukunft. Zur Semantik geschichtlicher Zeiten. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1989. 389 p.

© 2019. Alexander V. Eremin

Yaroslavl, Russia

**ORTHODOX DOMINANTS OF RUSSIAN CULTURE IN THE ERA OF
GLOBALIZATION AT THE TURN OF THE 21ST CENTURY: EXPERIENCE OF
TRANSDICIPLINARY RESEARCH**

Acknowledgements: the article was prepared with support of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation as part of the State task for research (No. 33.7591.2017 / 8.9)

Abstract: The paper is aimed at the study of Russian culture's transformations in terms of the actualization of Orthodox dominants in the period of developing globalization paradigm of the modern world at the turn of the 21st centuries. The author explores topic's methodological aspect, drawing upon the work of inter-and trans-disciplinary theorists in science, — V. A. Bazhanova, V. G. Budanova, L. P. Kiyaschenko, A. P. Ogurtsova, V. N. Porus, R. V. Scholz et al., and suggesting to perceive culture as a holistic system of being, where archetypes, signs and images are its integral parts. As such a system implies, various humanities do not simply complement each other, but form a single set of tools and methods for solving scientific problems beyond any single scientific discipline's power. The author focuses on the imperatives of Russian culture, rooted in the Orthodox worldview. Their actualization took place at the turn of the 21st century in the process of establishing foundations of collective identity. Confessional bases of power manifestations as an indicator of civilizational specifics of Russia are analyzed within the context of state-church interaction. The study concludes that Orthodox dominants are the archetypical foundations of Russian culture, which find their expression in corresponding signs and images, both at the institutional and personal level of being.

Keywords: state, church, culture, paradigm, interaction, archetype, transdisciplinarity, image, civilization.

Information about the author: Alexander V. Eremin — DSc in Culturology, PhD in History, Associate Professor, K. D. Ushinsky Yaroslavl State Pedagogical University, Respublikanskaia St. 108/1, 150000 Yaroslavl, Russia. E-mail: a.eremin@yspu.org

Received: February 18, 2019

Date of publication: December 28, 2019

For citation: Eremin A. V. Orthodox dominants of Russian culture in the era of globalization at the turn of the 21st century: experience of transdisciplinary research. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2019, vol. 54, pp. 101–113. (In Russian)

REFERENCES

- 1 Akt o kanonicheskom obshchenii [Act of canonical communion]. *Ofitsial'nyi sait Moskovskogo patriarkhata* [Official website of the Moscow Patriarchate]. Available at: <http://www.patriarchia.ru/db/text/155920.html> (accessed 10 January 2018). (In Russian)
- 2 V “priamom efire” ukrainskogo telekanala “Inter” sostoialas' beseda so Sviateishim Patriarkhom Moskovskim i vseia Rusi Kirillom [A conversation with his Holiness

- Patriarch Kirill of Moscow and all Russia in the “live” Ukrainian TV channel “Inter”]. *Otechestvo.org.ua*. Available at: <http://otechestvo.org.ua/main /20097/2926.htm> (accessed 26 Desember 2017). (In Russian)
- 3 Vera i nadezhdy. Sotsiologi vyiasnili, kakim bogam rossiiane moliatsia i vo chto ponastoiashchemu veriat [Faith and hope. Sociologists have found out to what gods Russians pray and what they really believe]. *Rossiiskaia gazeta*, 15 January 2013, Available at: <http://rg.ru/2013/01/15/sociologia.html> (accessed 17 January 2019). (In Russian)
- 4 V Rossii 74% pravoslavnykh i 7% musul'man [74% of Orthodox and 7% of Muslims in Russia]. *Levada.ru*. Available at: <HTTP://www.Levada.ru/2012/12/17/M/V-ROSSII-74-PRAVOSLAVNYH-I-7-MUSULMAN/> (accessed 17 January 2019). (In Russian)
- 5 Vystuplenie Vladimira Putina na zasedanii kluba “Valdai” [Vladimir Putin's speech at a meeting of the “Valdai club”]. *Rossiiskaia gazeta*. Available at: <https://rg.ru/2013/09/19/stenogramma-site.html> (accessed 17 January 2019). (In Russian)
- 6 Danilevskii N. Ia. *Rossia i Evropa* [Russia and Europe]. Moscow, Kniga Publ., 1991. 576 p. (In Russian)
- 7 Dubin B. Religii, tserkov', obshchestvennoe mnenie [Religion, Church, public opinion]. *Svobodnaia mysl'*, 1997, no 11, p. 95. (In Russian)
- 8 Diurkgeim E. Elementarnye formy religioznoi zhizni. Totemisticheskaia sistema v Avstralii [Elementary forms of religious life. The totemic system in Australia]. *Mistika. Religii. Nauka. Klassiki mirovogo religiovedeniia* [Mystique. Religion. The science. Classics of world religious studies]. Moscow, Antologiiia Publ., 1998, pp. 174–230. (In Russian)
- 9 Eremin A. V. Periodizatsiia sovremennoi istorii gosudarstvenno-tserkovnykh otnoshenii: istoricheskii diskurs [Periodization of modern history of state-Church relations: historical discourse]. *Iaroslavskii pedagogicheskii vestnik*, 2013, no 2, vol. 1, pp. 48–51. (In Russian)
- 10 Eremin A. V. Transformatsiia religioznykh tsennostei v sekuliarnom mire [Transformation of religious values in the secular world]. *Iaroslavskii pedagogicheskii vestnik*, 2012, no 1, vol. 1, pp. 312–314. (In Russian)
- 11 Kliuchevskii V. O. *Kurs russkoi istorii* [The course of Russian history]. Moscow, Istoricheskaiia literature Publ., 2002. Vol. 1. 298 p. (In Russian)
- 12 Kondakov I. V. *Russkaia kul'tura: Kratkii ocherk istorii i teorii* [Russian culture: A Brief sketch of history and theory]. Moscow, Universitet Publ., 1998. 360 p. (In Russian)
- 13 Kuz'mina O. E. Konfessional'naia struktura naseleniia Rossii [Confessional structure of the population of Russia]. *Rossiiskaia tsivilizatsiia: Etnokul'turnye i dukhovnye aspekty: Entsiklopedicheskii slovar'* [Russian civilization: ethno-cultural and spiritual aspects: Encyclopedic dictionary]. Moscow, Respublika Publ., 2001, pp. 119–120. (In Russian)
- 14 Levada: Naibol'shim odobreniem v Rossii pol'zuetsia patriarkh Kirill [Levada: Patriarch Kirill enjoys the greatest approval in Russia]. *Saratovnews.ru*. Available at: <http://www.saratovnews.ru/politika/levada—naibolshim—odobreniem—v—rossii—polzyetsya—patriarh—kirill/> (accessed 14 February 2018). (In Russian)
- 15 Mezhdunarodnaia premiia “Chelovek goda” [International award “Man of the year”]. *TsERS*. Available at: <http://profiok.com/projects/yearman/#2014> (accessed 15 February 2018). (In Russian)

- 16 *Osnovy sotsial'noi kontseptsii Russkoi pravoslavnoi tserkvi* [The foundations of the social concept of the Russian Orthodox Church]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskoi Patriarkhii Publ., 2008. 174 p. (In Russian)
- 17 Rabochaia gruppya Instituta sotsiologii RAN. Rossiiskaia povsednevnost' v usloviakh krizisa. Analiticheskii doklad [Working group Of the Institute of sociology RAS. Russian everyday life in crisis. Analytical report]. *Polis. Politicheskie issledovaniia*, 2009, no 5, pp. 84–98. (In Russian)
- 18 Religiiia v massovom soznanii rossiian [Religion in the mass consciousness of Russians]. *Sovremennaia Evropa*, 2001, no 4, pp. 122–124. (In Russian)
- 19 Repina L. P. *Novye issledovatel'skie strategii v rossiiskoi i mirovoi istoriografii* [New research strategies in Russian and world historiography]. Moscow, Izdatel'skii dom GU VShE Publ., 2008. 32 p. (In Russian)
- 20 Sviateishii Patriarkh Kirill predlozhl vvesti v oborot termin “strana russkogo mira” [His Holiness Patriarch Kirill proposed to introduce the term “country of the Russian world”]. *Otechestvo.org.ua*. Available at: <http://otechestvo.org.ua/main/200911/0337.htm> (accessed 26 December 2018). (In Russian)
- 21 Sinelina Iu. Iu. Dinamika religioznosti Rossiian (1989–2012) [Dynamics of religiosity of Russians (1989–2012)]. *Religious.life*. Available at: <https://religious.life/2014/09/sinelina-dinamika-religioznosti-rossiian-1989-2012/> (accessed 26 December 2018). (In Russian)
- 22 Sokolov A. B. Interv'iu s Reinkhardom Kozellekom [Interview with Reinhard Koselleck]. *Dialog so vremenem: al'manakh intellektual'noi istorii*, 2005, no 15, pp. 326–340. (In Russian)
- 23 Toinbi A. Dzh. *Postizhenie istorii* [Comprehension of history]. Moscow, Airis-Press Publ., 2008. 521 p. (In Russian)
- 24 *Transdistsiplinarnost' v filosofii i nauke: podkhody, problemy, perspektivy* [Transdisciplinarity in philosophy and science: approaches, problems, prospects], edited by V. A. Bazhanov, R. V. Shol'ts. Moscow, Navigator Publ., 2015. 564 p. (In Russian)
- 25 Furman D., Kaariainen K. Religioznaia stabilizatsiia [Religious stabilization]. *Svobodnaia mysl'*, 2001, no 7, pp. 18–32. (In Russian)
- 26 Khantington S. *Stolknovenie tsivilizatsii* [Clash of civilizations]. Moscow, AST Publ., 2003. 603 p. (In Russian)
- 27 Shpengler O. *Zakat Evropy* [The Decline of the West]. Moscow, Nauka Publ., 1993–1998. Vol. 1. 1993. 672 p. Vol. 2. 1998. 608 p. (In Russian)
- 28 Iung K. G. Arkhetip i simvol [Archetype and symbol]. *Psikhika: struktura i dinamika* [Psyche: structure and dynamics]. Moscow, Renessans Publ., 1991. 304 p. (In Russian)
- 29 Koselleck R. *Vergangene Zukunft. Zur Semantik geschichtlicher Zeiten* [Past Future. On the semantics of historical times]. Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1989. 389 p. (In Germany)